

EWA SADZIŃSKA

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173

**ГОГОЛЕВСКИЙ КЛЮЧ К ЛИРИКЕ
АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА
(НА ПРИМЕРЕ ИЗВЫБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ)****GOGOL'S KEY TO THE POETRY
OF ALEXANDR KUSHNER
(ON THE MATERIAL OF SELECTED WORKS)**

В статье рассматриваются некоторые особенности рецепции Кушнером гоголевской поэмы *Мертвые души*. Анализируются прямые высказывания современного поэта о классическом произведении и его авторе, включенные в эссе поэта, а также литературные реминисценции и аллюзии в избранных стихотворениях. Отмечается, что Кушнеру близка установка прозаика на вещную конкретность, использование вечных образов и мотивов.

Ключевые слова: Александр Кушнер, гоголевские реминисценции, вещный мир, семантика вещи, диалог.

The paper discusses the reception of Gogol's *Dead Souls* by Alexandr Kushner. The focus is on the direct comments on *Dead Souls* and its author to be found in Kushner's essays, as well as on numerous references to Gogol in the form of reminiscences and literary allusions in selected poems. A detailed analysis can reveal interesting parallels and similarities in the poetics of both authors: the perception of things in close association with humans, the feeling of a special communication between man and object, referring to eternal images and motifs.

Keywords: Alexandr Kushner, reminiscences, Nikolai Gogol, *Dead Souls*, semantics of objects, dialogue.

В научной литературе тема Кушнер и Гоголь до сих пор не получила последовательной интерпретации¹. Тем временем наличие гоголевского

¹ Правда, в литературно-критических статьях и отзывах на очередные книги стихов поэта отмечаются гоголевские подтексты. Однако в основном это лишь попутные замечания, которые появляются в контексте общих проблем, связанных с творчеством петербургского

реминисцентного пласта в стихотворениях современного поэта разных лет, а также в его литературных статьях и эссе дает довольно репрезентативный материал для исследований и подробной систематизации. Не претендуя однако на исчерпывающий анализ поставленной темы в статье сосредоточимся на некоторых особенностях рецепции Гоголя в творческом сознании Кушнера, а также укажем на некоторые сходства в поэтике обоих, казалось бы, столь разных авторов. Материалом для анализа послужат нам два стихотворения поэта последних лет с явными гоголевскими подтекстами, стихотворения, навеянные поэмой *Мертвые души: Шкатулка* из сборника *Мелом и углем* (2010) и «Какая дружба намечалась...»², а также эссе поэта «С Гомером долго ты беседовал один...» (2000)³. Подробный анализ позволит выявить интересные параллели и неожиданные схождения, подтверждающие тезис о некоторых перекличках обоих авторов.

Начнем с кушнеровской *Шкатулки*. Стихотворение представляет собой поэтический парафраз известного фрагмента гоголевской поэмы, посвященного описанию дорожного реквизита Чичикова. Приведем его начало:

Устройство чичиковской помнишь ли шкатулки?
Ложбинки, выемки ее и закоулки,
Для перьев – лодочки, для мыльницы – дупло,
Какое множество вещей в нее вошло,
Для бритв – особые перегородки были,
Мы чуть чернильницу с тобой не пропустили,
Была ж чернильница! Гнездо для сургучей.
И театральные билеты тоже в ней,
И похоронные – на память, и визитки.
Не с первой, может быть, так со второй попытки
Мы верхний подняли бы ящик, а под ним
Второй, с бумагами – за всем не уследим
И потаенного – для денег – не заметим⁴.

поэта в целом. О некоторых перекличках с классиком пишет автор последней монографии о Кушнере А. В. Кулагин. См.: А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...»: *Поэтический Петербург Александра Кушнера*, Коломна 2014.

² Стихотворение впервые появилось на страницах журнала «Нева», в № 5 за 2011 год, [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/neva/2011/5/ku2.html> [20.02.2015].

³ Впервые эссе было опубликовано в № 3 «Звезды» за 2001 год, [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/3/kush.html> [20.02.2015].

⁴ А. С. Кушнер, *Шкатулка*, [в:] он же, *По эту сторону таинственной черты. Стихотворения и статьи о поэзии*, Санкт-Петербург 2011, с. 224. Цитаты из стихотворений и эссе Кушнера, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому изданию с указанием в тексте страницы в скобках.

В аналогичном отрывке из *Мертвых душ* читаем:

[...] в самой середине мыльница, за мыльницею шесть-семь узеньких перегородок для бритв; потом квадратные закоулки для песочницы и чернильницы с выдолбленною между ними лодочкою для перьев, сургучей и всего, что подлиннее; потом всякие перегородки с крышечками и без крышечек, для того, что покороче, наполненные билетами визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхний ящик со всеми перегородками вынимался, и под ним находилось пространство, занятое кипами бумаг в лист, потом следовал маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки [...]⁵.

Как следует из сопоставления обеих цитат, современный поэт удивительно точно, насколько это возможно в лирическом стихотворении, воссоздает (почти буквально) образный ряд из прототекста, ориентируясь на гоголевский метод пристального разглядывания предмета, перечисления подряд вещей, не связанных друг с другом. В разработке лирического сюжета Кушнер тоже следует гоголевской – прозаической, нарративизирующей – традиции. Ср.:

А если б Чичиков за неприличным этим
Застал занятjem нас, то он бы, осерчав,
Призвал Петрушу нас побить – и был бы прав.

На этом кончить бы я мог стихотворенье,
Но радость Гоголя представил на мгновенье,
Как сцена, только что описанная мной,
Ему понравилась бы... Но за нас горой
Не встал бы [...] (224).

Как видим, при комической имитации формы первоисточника его идейно-тематические особенности, как и сам автор *Мертвых душ*, в новом контексте не подвергаются осмеянию.

В центре стихотворения предмет – «диковинная гоголевская вещь». В художественной картине мира Гоголя она многофункциональна, несет смысловую и идейно-эмоциональную нагрузку, отличается повышенной ассоциативностью. Писатель, как известно, изображал своих героев во всей конкретности их повседневного быта, во всех мельчайших деталях⁶. При этом он очень тщательно подходил к отбору деталей – «из хаоса предметов он искусно выбирал и группировал то, что давало ему возможность увидеть бессмыслицу и душу»⁷. Об использовании прозаиком бытовых подробностей для

⁵ Н. В. Гоголь, *Мертвые души*, Воронеж 1997, с. 52. В дальнейшем все цитаты из поэмы приводятся в тексте с указанием в скобках страницы.

⁶ См.: С. И. Машинский, *Художественный мир Гоголя*, Москва 1979.

⁷ К. В. Мочульский, *Гоголь. Соловьев. Достоевский*, Москва 1995.

создания образа персонажа, о значении вещественности в его произведениях писали многие исследователи⁸. О необычности гоголевского видения вещи, заключающимся в перечислении не связанных друг с другом предметов, по принципу ассоциативности, писал в свое время А. П. Чудаков⁹. В. Н. Топоров рассматривал гоголевскую вещь (ее влияние на героев писателя) как «нечто универсальное, постоянное, почти маниакальное»¹⁰. Таким образом, повседневная деталь является важной составляющей образа гоголевских персонажей, выполняя заодно функцию их нравственной оценки.

Шкатулка Чичикова – не просто дорожный реквизит, без которого не может обойтись герой. Ее содержание обнаруживает, по справедливому замечанию Барбары Оляшек, назначенную владельцем иерархию ценностей¹¹. На первом месте – туалетные приборы, позволяющее сохранить чистоту тела (при сомнительной чистоте души героя), затем письменные приборы и потаенный ящик для денег – все это вместе разоблачает карьеристские стремления приобретателя. Деньги – ведь основной мотив поступков Чичикова¹². Одновременно шкатулка оттеняет и главную тему гоголевской поэмы – мотив «омертвления» души. Именно шкатулка и является, по четкому определению В. И. Тюпы, аллегорией «мертвой» души Чичикова¹³.

Разглядывание чичиковской шкатулки, подробный перечень ее предметов не является однако единственной целью для современного поэта. За всем этим скрывается, по точному замечанию А. В. Кулагина, задушевная авторская мысль¹⁴. Прозвучит она в финальных строках стихотворения:

[...] это лирика и есть, когда предмет
Твоим вниманием обласкан и согрет
И тайна жизни в нем блеснула, проступила.

⁸ См.: А. Белый, *Мастерство Гоголя*, Москва–Ленинград 1934; С. И. Машинский, *Художественный мир Гоголя*, Москва 1979; Ю. Манн, *В поисках живой души*, Москва 1984; Е. А. Смирнова, *Поэма Гоголя «Мертвые души»*, Ленинград 1987; М. Вайскопф, *Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст*, Москва 1993; А. П. Чудаков, *Вещь во вселенной Гоголя*, [в:] он же, *Слово – вещь – мир. От Пушкина к Толстому: Очерки поэтики русских классиков*, Москва 1993; К. В. Мочульский, *Гоголь. Соловьев. Достоевский*, Москва 1995; В. Н. Топоров, *Вещь в антропоцентрической перспективе (Апология Плюшкина)*, [в:] он же, *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное*, Москва 1995, [Электронный ресурс] <http://www.twirpx.com/file/642466/> [27.03.2015] и многие другие.

⁹ См. А. П. Чудаков, *Слово – вещь – мир...*

¹⁰ В. Н. Топоров, *Вещь в антропоцентрической перспективе...*

¹¹ См.: В. Olaszek, *Приемы эстетической аксиологии Николая Гоголя. Концепт «чистота»*, [в:] *Świat wartości w literaturze. Tom jubileuszowy dedykowany Profesor Oldze Głównko*, под ред. Е. Sadzińskiej и А. Szymańskiej, Łódź 2009, с. 121.

¹² Там же, с. 118.

¹³ В. И. Тюпа, *«Мертвые души» Н. В. Гоголя (глава третья)*, [в:] он же, *Анализ художественного текста*, Москва 2009, с. 135.

¹⁴ А. В. Кулагин, *«Я в этом городе...»*, с. 101.

Шкатулка Чичикова или щит Ахилла —
Какая разница? Да здравствует деталь,
Подробность, будничность, бессмыслица, печаль! (224)

В последних стихах эксплицитно выражен особый фокус кушнеровской лирики в целом. Как справедливо отметила в свое время И. Б. Роднянская, Кушнер с первой своей книги стихов порашил всех сфокусированностью взгляда на мелких вещах, пустяках¹⁵. Вспомним в этой связи фразу из раннего стихотворения поэта: «Поэзия, следи за пустяком, / Сперва за пустяком, потом за смыслом...» (123)¹⁶. Для Кушнера характерна поэтика мелочей, уход в мир деталей, обостренное внимание к ним, необычность видения вещей, достигающееся перечислением подряд многообразных предметов, повышенной ассоциативностью. На эту особенность поэтики Кушнера указывала и Лидия Гинзбург¹⁷.

Так, обоим авторам свойственно использование образов вещного мира как атрибутов бытовой обстановки, так и предметов, органически сращенных с внутренней жизнью человека, имеющих символическое, психологическое, бытийное, онтологическое значение.

Погружение в вещественную среду используется Гоголем, — по точному замечанию М. Вайскопфа, — в целях соединения мнимого и настоящего, т. е. вещь используется как связующее звено с внутренним миром человека¹⁸. Кушнер — вслед за Гоголем — удачно улавливает эти тонкие предметные связи и это именно роднит поэта с гоголевским методом видения мира: через малое говорить о большом.

При обозначенном сходстве поэтики между обоими авторами есть, конечно, и существенные различия. Если у Гоголя вещи заполняют пустоту духовного мира его пресонажей, являются знаком «омертвления» их души, то в художественной картине мира Кушнера за вещами — пустяками, мелочами, которыми окружается человек, скрывается тайна жизни. Ср. «... это лирика и есть, когда предмет / Твоим вниманием обласкан и согрет / И тайна жизни в нем блеснула...». Обычная жизнь, повседневность поэтизируется Кушнером¹⁹.

¹⁵ См.: И. Б. Роднянская, *Кушнер Александр Семенович*, [в:] Библиотека журнала «Новый мир», [Электронный ресурс] http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/kushner/stat.html [28.03.2015].

¹⁶ Цитата из стихотворения «Тарелку мы под быстрою струей...» (сб. *Дневные сны*, 1986).

¹⁷ Л. Гинзбург, *Александр Кушнер* [отклик на книгу стихов *Дневные сны*], [Электронный ресурс] <http://folioverso.ru/imenai/6/8.htm> [28.03.2015].

¹⁸ М. Вайскопф, *Сюжет Гоголя...*

¹⁹ См. также нашу статью: Е. Sadzińska, *Концепт «быт» в художественной картине мира Александра Кушнера*, «Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica» 2013, № 6: *Nawiązania do tradycji literackiej w twórczości klasyków i autorów współczesnych // Знаки*

Предметная связь – стержневая тема лирики современного поэта. Ср.: «Я не вещи люблю, а предметную связь / С этим миром, в котором мы живем...»²⁰, «Смысл жизни – в жизни, в ней самой...» (117)²¹. Обратим внимание, что *Предметная связь* – это и название одного из разделов книги стихов *Дневные сны* 1986 года. Эта метафора толкуется И. Б. Роднянской как –

[...] связь психологическая, хорошо освоенная Чеховым и прозой XX в. (Пруст и др.): какая-нибудь безделица, запах, напев выступают как накопители впечатления, возбудители эмоциональной памяти; «пустяк» генерирует «смысл», когда-то, по смежности, вложенный в него душевным событием²².

Небезынтересно также отметить, что ключевые образы кушнеровского стихотворения – шкатулка Чичикова, щит Ахилла – автореминисцентны. Они появились задолго до написания стихотворения в одном из эссе Кушнера 2000 г. «С Гомером долго ты беседовал один...»²³. Оно состоит из нескольких записок, лейтмотивом которых являются размышления поэта о *Илиаде* и об *Одиссее*, в том числе о его личном отношении к этим произведениям, о переводах гомеровских поэм на русский язык (особенно о заслугах Гнедича), о значении античности для русской литературы, о ее влиянии на русскую поэзию. Для нас особенно важным является записка № 8, в которой наравне с замечаниями о жанровой природе гомеровских произведений и их героях, появляются рассуждения по поводу *Мертвых душ*, а также проводятся параллели между гоголевской поэмой и эпосами Гомера²⁴. Кушнер отмечает переключки на разных уровнях текста: стилистическом, синтаксическом, образно-мотивном, (проверяет присутствие гекзаметра в «лирических отступлениях» поэмы, похождения Чичикова сравнивает со скитаниями Одиссея, Собакевич, пусть отдаленно, напоминает поэту Полифема и т.д), а также указывает на некоторые сходства в способе изображения, в особенности обостренное внимание к вещам, свойственное обоим авторам (подробные

обращения к литературной традиции в творчестве классиков и современных авторов, под ред. О. Główko и Е. Sadzińskiej, с. 83–90.

²⁰ Цитата из стихотворения *Дворец* (*Дневные сны*, 1986). См.: А. С. Кушнер, *Стихотворения. Четыре десятилетия*, Москва 2000, [Электронный ресурс] <http://coollib.com/b/210825/read> [28.03.2015].

²¹ Первая строка стихотворения из сборника *Дневные сны*.

²² И. Б. Роднянская, *Кушнер Александр Семенович...*

²³ А. С. Кушнер, «С Гомером ты долго беседовал один...», [в:] он же, *По эту сторону...*, с. 356–383.

²⁴ Правда, такие попытки были еще при жизни Гоголя. Один из современников писателя – К. С. Аксаков сопоставил названные произведения в статье 1842 г. *Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души* – см.: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, *Литературная критика*, сост., вступит. статья и коммент. А. С. Курилова, Москва 1981, [Электронный ресурс] http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_0100.shtml [28.03.2015].

описания предметов, например, разглядывание чичиковской шкатулки сопоставляется с описанием щита Ахилла, ожерельем Пенелопы, перевязью Геракла) и в жанре (соединение эпического и лирического начал). Наконец Кушнер-эссеист констатирует: «Гоголь наш Гомер, *Мертвые души* – наш героический эпос» (366).

Эссе «*С Гомером долго...*» привлекательно еще и тем, что в нем эксплицитно выражено отношение современного поэта к предшественнику и его творчеству. А отношение это неоднозначное. Если Кушнер ценит Гоголя-художника, проявляющего особое внимание к вещам, деталям повседневного быта, тонкого знатока натуры человека, то уж наверное не одобряет и не принимает Гоголя-меланхолика, Гоголя-мыслителя, его сугубо патриархальных взглядов, «верноподданнических чувств» по отношению к царю, а также некоторых стилистических конструкций. Ср.:

Вообще, при всей нашей любви к Гоголю, приходится заметить, что в своих верноподданнических чувствах он не знал меры примерно также, как в некоторых своих синтаксических конструкциях и лексических переувеличениях (365).

«Верноподданнические чувства» упомянуты поэтом по поводу пушкинского стихотворения (первый стих которого и лег в название очерка Кушнера), адресованного, конечно, к Гнедичу в связи с его переводом на русский язык *Илиады* Гомера, а которое в *Выбранных местах из переписки с друзьями* Гоголь адресовал самому Николаю I²⁵.

Небезынтересно будет отметить, что и сам Кушнер (как в своих стихотворениях, так и в литературных статьях и эссе) часто обращается к античной традиции. Античный претекст является важной составляющей лирики петербургского поэта, начиная с первых его стихотворений²⁶. Свидетельствует о том и изданный поэтом в 2014 г. сборник *Античные мотивы*, в котором собраны его стихотворения разных лет, более или менее связанные с античной тематикой; в книгу включено и эссе «*С Гомером долго...*»²⁷. Прочитируем отрывок из предисловия:

[...] Античные приметы, подробности, ассоциации сопутствуют мне всю жизнь, и речь при этом в стихотворении может идти о чем угодно: о любви, о природе, об искусстве, о смысле жизни. Минорная или трагическая, скорбная интонация дополняется легкомысленной, шуточной, иронической, какой угодно. Спектр разнообразный и никак не

²⁵ См.: А. С. Кушнер, *По эту сторону...*, с. 365.

²⁶ См. интересную статью на эту тему: С. Ю. Суханова, П. А. Цыпилева, *Функции античного претекста в лирике А. Кушнера*, «Вестник Томского государственного университета. Филология» 2014, № 2 (28), [Электронный ресурс], <http://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-antichnogo-pretteksta-v-lirike-a-kushnera>, [20.03.2015].

²⁷ А. С. Кушнер, *Античные мотивы* (сборник), Санкт-Петербург 2014.

сводится к одной или двум краскам. По датам, поставленным под стихами, читатель увидит, что античные мотивы не покидают меня и сегодня [...]»²⁸.

В рассматриваемом очерке обнаруживаются и другие гоголевские реминисценции и аллюзии (мотив «великой» дружбы Чичикова и Манилова, скитаний хитроумного Чичикова по русским просторам с целью приобретения мертвых душ) прецедентные детали, ситуации и имена (Собакевич, Ноздрев, Коробочка), которые впоследствии и нашли художественное воплощение в стихотворениях Кушнера.

Так, мотив великой, однако несостоявшейся, дружбы между Чичиковым и Маниловым лег в основу стихотворения «Какая дружба намечалась...». Приведем его полностью:

Какая дружба намечалась
Меж Чичиковым и Маниловым!
Увы, она не состоялась.
А как Манилов фантазировал!
Как угодить старался Чичиков!
Не получилось крепкой дружбы.
Один был слишком предприимчивый,
Другой был слишком благодушный.

А вспомнил я о них по случаю
Какой-то пасмурной погоды,
Но не дождливой, а задумчивой,
Голубоватые разводы
На небе. Было что-то милое
И глуповатое и мглистость,
Напоминавшая в Манилове
Поэтов-сентименталистов.

И вообще не слишком строго ли
Мы говорим о персонажах,
В поэме выведенных Гоголем?
Он их любил, Ноздрева даже,
И я бываю Собакевичем,
Ах, и Коробочкою тоже.
И заноситься, право, незачем,
И жить смешно, и все похожи»²⁹.

²⁸ Там же.

²⁹ А. С. Кушнер, *Стихи*, «Нева» 2011, № 5, [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/neva/2011/5/ku2.html> [14.03.2015].

В композиционном плане стихотворение делится на три части. Первая отсылает к конкретной ситуации из гоголевской поэмы. В лаконичной форме, не лишенной однако иронии, комментируется Кушнером и сам эпизод в Маниловке, и поводы несбывшейся дружбы Чичикова и Манилова. Во второй части называется повод, по которому вспомнилась прецедентная ситуация. Точкой отсчета становится здесь опыт повседневности, который проецируется на культурную память (Лейдерман и Липовецкий называют такой прием – по отношению к лирике Кушнера – узнаванием цитаты в повседневности, мимолетности)³⁰. Это своеобразная попытка обыграть на материале собственного опыта гоголевские прецеденты. Третья часть посвящена размышлениям об образах помещиков, созданных Гоголем в *Мертвых душах*, их значимости для современного человека и вневременности.

Стихотворение построено – как обычно у Кушнера – на ассоциативных связях, более или менее эксплицитных. Попытаемся выявить некоторые из них.

Упомянутая в первых строках кушнеровского стихотворения дружба отсылает, конечно, ко второй главе поэмы Гоголя, а именно к посещению Манилова Чичиковым-предпринимателем. Диалог персонажей (фантазирование Манилова и попытки угодить ему Чичикова) неоднократно был предметом научного исследования³¹, поэтому ограничимся указанием некоторых особенностей эпизода, которые сохраняются/актуализируются поэтом.

Во-первых, иронический подтекст эпизода, который ощущается в протексте, сохраняется и у Кушнера (в том числе ассоциации Манилова с поэтами-сентименталистами). Как утверждает Е. А. Смирнова, для Гоголя сентиментализм воспринимался как прошлое, анахронизм³². Ирония заметна на уровне конструирования образа Манилова, а также в отдельных мотивах и образах. Вспомним портретную характеристику персонажа («глаза, как сахар») или описание имения помещика, образ уединенного храма (по мнению Е. А. Смирновой, имение Манилова – очаг сентиментализма). В кушнеровском тексте работает гоголевская отсылка – ироническая – к поэтам-сентименталистам.

Во-вторых, переключки в описании погоды. Небезынтересно отметить, что атмосферные явления, которые вызвали ассоциации с гоголевской поэмой, переключаются с описанием погоды, сопутствующей встрече

³⁰ См.: Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, *Русская литература XX века (1950–1990-е годы): в 2-х тт.*, Москва 2003, т. 2, с. 326.

³¹ См., например: А. И. Карпенко, *Черты народно-смеховой характерологии в мире «Мертвых душ» Н. В. Гоголя*, [в:] *Мысль, слово и время в пространстве культуры. Теоретические и лингводидактические аспекты изучения русского языка и литературы*, Киев, 1996; А. Х. Гольденберг, *Архетип гостя в поэтике Гоголя* (2010), [Электронный ресурс] <http://domgogolya.ru/science/researches/1428/#12> [28.03.2015].

³² Е. А. Смирнова, *Поэма Гоголя...*, с. 103.

гоголевских героев, ср. у Гоголя: «[...] день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета [...]» (с. 20). В другом месте говорится о тучах (с. 35). В стихотворении Кушнера сохраняется неопределенность как доминирующая особенность погоды – она пасмурная, но недождливая, мгlistая.

И еще одна интересная деталь. Эта неопределенность погоды корреспондирует с чертой характера Манилова. Вспомним сцену, когда помещик размышлял о друге:

Конечно [...] другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы в некотором роде можно было поговорить о любезности, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало питательность и, так сказать, парение этакое [...] (26).

Манилову не хватает слов, чтобы выразить свое сердечное расположение к Чичикову. Герой использует слова, не несущие никакой смысловой нагрузки, но именно они ярче всего оттеняют душевный склад Манилова. «В некотором роде», «какую-нибудь этакую» – подобными пустыми словами, как утверждает С. И. Машинский, «создается ощущение абсолютной пустоты этого дряблого, сентиментального фразера»³³.

На этом, пожалуй, не исчерпывается ассоциативное поле стихотворения Кушнера. Во второй строфе присутствует – косвенно, имплицитно – петербургский подтекст. Описание погоды, ставшей толчком для лирической рефлексии, для проведения параллели с действительностью, соответствует природно-климатическим факторам, зафиксированным Петербургским текстом русской литературы. Используемые Кушнером мотивы пасмурной, дождливой, мгlistой погоды размыкают лирическое пространство стихотворения, вызывая обширный ассоциативный фон. Кушнер, по мнению Л. Е. Ляпиной, самый «петербургский» из современных поэтов³⁴, его тексты – важная составляющая Петербургского текста. Оба автора – ключевые фигуры сверттекста – Гоголь классического периода, Кушнер – современного.

В последней строфе содержится субъективная рефлексия на тему гоголевских персонажей и заложенных в их образах социально-психологических, общечеловеческих чертах. Став нарицательными, Ноздрев, Коробочка, Манилов и др. вошли в галерею «вечных образов» мировой культуры. Кушнером они используются в качестве знака-маски для лаконической характеристики типов, которые как бы перемещаясь во времени, входят в современную поэту эпоху. К тому же, лирический герой стихотворения не лишен черт гоголевских персонажей, ставит себя в один с ними ряд.

³³ С. И. Машинский, *Художественный мир Гоголя...*

³⁴ Л. Ляпина, «Таврический сад» А. С. Кушнера: контекстуальное прочтение, [в:] она же, *Мир Петербурга в русской поэзии: очерки исторической поэтики*, Санкт-Петербург 2010, с. 127.

Упоминание о том, что Гоголь любил своих героев вызывает в памяти читателя и размышления самого писателя по этому поводу, которые поместил в *Четырех письмах к разным лицам по поводу «Мертвых душ»*. Вот соответствующий фрагмент:

Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми³⁵.

Обращение Кушнера к знаковым именам помогает обнаружить глубинное содержание стихотворения посредством известного из классического источника.

В рассматриваемых нами стихотворениях и эссе Кушнера актуализация гоголевской традиции происходит посредством разных приемов: именной репрезентации, биографической аллюзии, литературной реминисценции. Как мы пытались доказать, современному поэту близко гоголевское пристальное внимание к вещам, деталям повседневной жизни, в которых и отражается восприятие мира и жизни в целом.

Вступая в диалог с классикой, Кушнер ставит проблемы, актуальные для себя, своих современников. Знаковые/прецедентные имена в его стихотворениях отсылают не столько к конкретным текстам, сколько к культурной памяти в целом. По мнению исследователей, поэт проверяет присутствие культурной памяти в самых незначительных, мимолетных и мелких впечатлениях частного человека³⁶. Таким образом, происходит в его лирике последовательное обывательное изображение образа культуры, проверка действительностью. Переосмысление культурной традиции осознается Кушнером, – как отмечают М. Лейдерман и Н. Липовецкий, – «как опыт „прозаики“, мелочей, страстишек, дрызг и мимолетных прозрений, отпечатавшихся навеки в архетипических образах, сюжетах, фразах»³⁷.

Библиография

- Olaszek B., *Приемы эстетической аксиологии Николая Гоголя. Концепт «чистота»*, [в:] *Świat wartości w literaturze. Tom jubileuszowy dedykowany Profesor Oldze Główno*, под ред. E. Sadzińskiej и A. Szymańskiej, Łódź 2009.
- Sadzińska E., *Концепт «быт» в художественной картине мира Александра Кушнера*, «Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Rossica» 2013, № 6: *Nawiązania do tradycji literackiej w twórczości klasyków i autorów współczesnych // Знаки обращения к литературной*

³⁵ Н. В. Гоголь, *Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»*, [в:] он же, *Полное собрание сочинений: в 14-ти тт.*, Москва–Ленинград 1937–1952, т. 8: Статьи (1952), с. 293.

³⁶ См.: Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, *Русская литература XX века...*, т. 2, с. 315.

³⁷ Там же, с. 327.

- традиции в творчестве классиков и современных авторов, под ред. О. Główko и Е. Sadzińskiej.
- Аксаков К. С., *Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души*, [в:] К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, *Литературная критика*, сост., вступит. статья и коммент. А. С. Курилова, Москва 1981, [Электронный ресурс] http://az.lib.ru/a/aksakow_k_/text_0100.shtml [28.03.2015].
- Белый А., *Мастерство Гоголя*, Москва–Ленинград 1934.
- Вайскопф М., *Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст*, Москва 1993.
- Гинзбург Л., *Александр Кушнер* [отклик на книгу стихов *Дневные сны*], [Электронный ресурс] <http://folioverso.ru/imena/6/8.htm> [28.03.2015].
- Гоголь Н. В., *Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»*, [в:] он же, *Полное собрание сочинений: в 14-ти тт.*, Москва–Ленинград 1937–1952, т. 8: *Статьи* (1952).
- Гоголь Н. В., *Мертвые души*, Воронеж 1997.
- Гольденберг А. Х., *Архетип гостя в поэтике Гоголя* (2010), [Электронный ресурс] <http://domgogolya.ru/science/researches/1428/#12> [28.03.2015].
- Карпенко А. И., *Черты народно-смеховой характерологии в мире «Мертвых душ» Н. В. Гоголя*, [в:] *Мысль, слово и время в пространстве культуры. Теоретические и лингводидактические аспекты изучения русского языка и литературы*, Киев, 1996.
- Кулагин А. В., *«Я в этом городе провел всю жизнь свою...»: Поэтический Петербург Александра Кушнера*, Коломна 2014.
- Кушнер А. С., *Стихотворения. Четыре десятилетия*, Москва 2000, [Электронный ресурс] <http://coollib.com/b/210825/read> [28.03.2015].
- Кушнер А. С., *Стихи*, «Нева» 2011, № 5, [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/neva/2011/5/ku2.html> [14.03.2015].
- Кушнер А. С., *Шкатулка*, [в:] он же, *По эту сторону таинственной черты. Стихотворения и статьи о поэзии*, Санкт-Петербург 2011.
- Кушнер А. С., *«С Гомером ты долго беседовал один...»*, [в:] он же, *По эту сторону...*, Санкт-Петербург 2011.
- Кушнер А. С., *Античные мотивы* (сборник), Санкт-Петербург 2014.
- Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н., *Русская литература XX века (1950–1990-е годы): в 2-х тт.*, Москва 2003, т. 2.
- Ляпина Л., *«Таврический сад» А. С. Кушнера: контекстуальное прочтение*, [в:] она же, *Мир Петербурга в русской поэзии: очерки исторической поэтики*, Санкт-Петербург 2010.
- Манн Ю., *В поисках живой души*, Москва 1984.
- Машинский С. И., *Художественный мир Гоголя*, Москва 1979.
- Мочульский К. В., *Гоголь. Соловьев. Достоевский*, Москва 1995.
- Роднянская И. Б., *Кушнер Александр Семенович*, [в:] Библиотека журнала «Новый мир», [Электронный ресурс] http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/kushner/stat.html [28.03.2015].
- Смирнова Е. А., *Поэма Гоголя «Мертвые души»*, Ленинград 1987.
- Суханова С. Ю., Цыпилова П. А., *Функции античного претекста в лирике А. Кушнера*, «Вестник Томского государственного университета. Филология» 2014, № 2 (28), [Электронный ресурс], <http://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-antichnogo-preteksta-v-lirike-a-kushnera>, [20.03.2015].
- Топоров В. Н., *Вещь в антропоцентрической перспективе (Апология Плюшкина)*, [в:] он же, *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное*, Москва 1995, [Электронный ресурс] <http://www.twirpx.com/file/642466/> [27.03.2015].
- Тюпа В. И., *«Мертвые души» Н. В. Гоголя (глава третья)*, [в:] он же, *Анализ художественного текста*, Москва 2009.
- Чудаков А. П., *Вещь во вселенной Гоголя*, [в:] он же, *Слово – вещь – мир. От Пушкина к Толстому: Очерки поэтики русских классиков*, Москва 1993.